

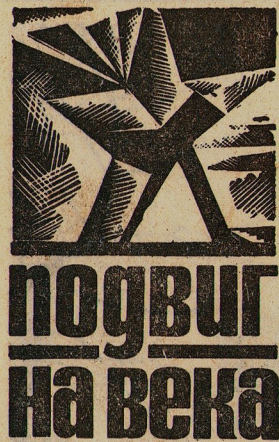
и Сов. культура, 1975, 15 апр

◆ № 31 (4831)

К 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

4

У ЗНАМЕНИ

Сначала несколько фактов. 27 июня 1941 года в Комитет по делам искусств зашел профессор А. Александров и попросил прослушать его песню на слова В. Лебедева-Кумача. Через час я (тогда заместитель председателя комитета) подписал рукопись для немедленного издания и распространения. Вечером песня была впервые исполнена на Белорусском вокзале перед отправлявшимися на фронт солдатами. Так на пятый день войны родилась знаменитая «Священная война», ставшая своеобразным музыкальным девизом сражающегося народа...

Перед рассветом 23 июля 1941 года в бомбоубежище Комитета искусств позвонили из штаба МПВО: на здание Театра им. Вахтангова упала тяжелая авиационная бомба. Едва дождавшись отбоя воздушной тревоги, мы помчались на Арбат. Из дымящихся развалин пожарноспасательная

команда выносила тела погибших. Среди них был секретарь партбюро В. Куза, замечательный актер и человек. Незадолго до войны он сыграл главную роль в вахтанговском спектакле «Шел солдат с фронта». Он и погиб как солдат, оставшись на ночь в театре в качестве ответственного дежурного по зданию.

На гибель товарища Театр имени Вахтангова ответил созданием постоянно действующего фронтового филиала. А в период эвакуации, в далеком Омске, за один только 1942 год театр выпустил четыре творчески смелых и боевых спектакля: «Русские люди», «Фронт», «Олеко Дундич», «Сирано де Бержерак». В начале 1942 года мне привелось навестить вахтанговцев в Омске и воочию наблюдать, с каким накалом, преодолевая все сложности эвакуационного быта, работал коллектив, возглавлявшийся тогда Р. Симоновым, Н. Охлопковым и А. Диким.

В декабре 1941 года в блокированном Ленинграде была закончена 7-я симфония Д. Д. Шостаковича — симфония о войне и мощи народа, поднявшегося на борьбу против фашизма. Первое исполнение ее состоялось в Куйбышеве под управлением С. Самосуда в январе 1942 года. А вскоре «Ленинградская» симфония прозвучала в Москве, которая все еще оставалась прифронтовым городом. Отчетливо помню

этот концерт в Колонном зале. По ходу его была объявлена воздушная тревога, но никто не уходил, пока не прозвучали последние такты великого произведения.

9 августа 1942 года звуки «Ленинградской» раздалась в самом все еще окруженном врагом Ленинграде, под сводами знаменитой филармонии. Сборным оркестром дирижировал К. Элиасберг. Вот что рассказывал о концерте очевидец: «Когда играли финал, весь зал встал. Нельзя было спокойно сидеть и слушать. Невозможно. Я стоял вместе со всеми потрясенный, мурашки бегали по спине. Вот оно, искусство! Вдохновенное! Непобедимое!.. Это была уже Победа! Победа искусства над мраком и разрушением...».

В 1942 году, когда воздушные тревоги в Москве объявлялись все реже, какой-то фашистский самолет-диверсант, прикрываясь облачностью, проник в дневные часы к центру города. Одна из его бомб под косым углом пролетела между колоннами Большого театра и разорвалась в вестибюле, не причинив, к счастью, особого вреда по причине своего сравнительно малого калибра. Однако вестибюль был разрушен. Большой театр ответил возобновлением работы своего филиала в Москве (им руководил тогда солист балета М. Габович). А в условиях эва-

куации, в Куйбышеве, Большой театр выпустил замечательные спектакли: балет «Алые паруса» В. Юровского и оперу «Вильгельм Телль» Д. Россини. Вернувшись в Москву, Большой театр сразу взялся за постановку оперы Д. Кабалевского «В огне» — о великой битве на подступах к столице. Премьера состоялась 4 ноября 1943 года, и это был первый в оперном жанре отклик на события, которыми жил тогда не только советский народ, но и весь мир.

Попытки врага подорвать духовную культуру социализма, уничтожить ее материальную основу вызывали такую мощную ответную творческую энергию, которая вновь создаваемые произведения тут же делала оружием борьбы, предвестниками грядущей победы. Патриотический подъем и идейно-творческая зрелость советского искусства начисто опровергали все рассуждения о «дистанции времени», необходимости якобы для глубокого осмысления произведений совершающихся событий.

Стоит напомнить, что драма К. Симонова «Русские люди» была напечатана в «Правде» в июле 1942 года, «Фронт» А. Корнейчука — в августе 1942 года. В том же августе появилась драма «Нашествие» Л. Леонова. Эта своеобразная трилогия написана в самые горячие дни войны. И тут же была поставлена в сотнях театров.

Духовно-эстетический «хлеб» нужен был народу и армии так же, как и ржаной пайковый хлеб войны, как снаряды или танки. Героическая симфония шагала рядом с интимной интонацией песни «Темная ночь». Вдохновенные строки лирических стихов «Жди меня» дополняли эпическую удалость поэмы «Василий Теркин». Из плакатов рождались сюжеты монументальных полотен. А главное — все это было на слуху, на устах, в глазах десятков миллионов людей на фронте и в тылу.

О поэме «Василий Теркин» ее автор А. Твардовский говорил, что она была «...моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и притчей, разговором по душам и репликой к случаю». Все жанры, виды и формы искусства в дни военных испытаний устремлялись к одной цели: выстоять и победить. Война с необыкновенной силой вскрыла принципиальные свойства и качества нашего искусства, его огромные потенции, его способность отливать в строки, звуки, образы самое главное, самое современное, чем жил народ. И пронизывать каждый образ идейной силой партии, несокрушимой верой в правоту нашего дела, жизнелюбием и оптимизмом, страстностью и эмоциональным накалом.

Именно эти качества определяли долговременную жизнь

ПОБЕДЫ

произведений, созданных, казалось бы, «на ходу», в горячке военных дней. Сегодня снова выходят на сцену «Русские люди», «Фронт», «Нашествие», «Сталинградцы», «Офицер флота», «Молодая гвардия», «Василий Теркин», как и созданные позже «Вечно живые», «Барабанщица», «Трибунал», «Я вижу солнце», «Годы странствий», инсценировки прозы военных лет. Я не называю авторов, ибо они широко известны, их произведения о войне давно стали всенародным достоянием.

Темы великого подвига народа рождают и будут рождать новые и новые произведения. Наш театр обогатился сейчас военными по теме драмами Г. Березко, Б. Васильева, В. Быкова, М. Шатрова, М. Рощина, Р. Ибрагимбекова, В. Собко, А. Гецадзе и других писателей. Молодое их поколение, пережившее войну в свои юные годы, сквозь призму ушедших лет поднимает образы рядовых фронта и тыла на уровне высочайших обобщений, придает им легендарное звучание.

Теперь я хочу сказать о главном и прежде всего применительно к театру. Кажется мне порой, что и отдельные драматурги, и руководители некоторых театров, отдавая, конечно, необходимую дань 30-летию Победы, начинают забывать о том, что творческий опыт военных лет — наше оружие на все времена. Это капи-

тал постоянный, а не переменный. Приходится слышать порой, что наша нынешняя, мирная, благополучная жизнь не дает стимула для масштабных, остроконфликтных, трагедийно-суровых произведений. Снова и снова необходимо говорить, к сожалению, о лидирующем положении в репертуаре многих театров пьес «усредненных», с конфликтными «квартирного» масштаба, с героями и сюжетами, скользкими в игрово-комедийной манере по поверхности жизни. Думаю, что потребительский подход в вопросах эстетики так же неприемлем для нас, как и потребительская психология вообще.

Не хочу ни отрицать, ни завышать смелого вторжения театра в морально-мировоззренческую сферу научно-технической революции. Вехами этого вторжения я лично считаю «Марию» А. Салынского, «Человека со стороны» И. Дворецкого, «Сталеваров» Г. Бокарева, «Своей дорогой» Р. Ибрагимбекова и недавно законченного пьесу А. Гельмана «Протокол одного заседания». Однако тут же появилась целая серия ремесленно-эпигонских пьес, варьирующих уже затронутые темы и образы и все же усердно насаждаемых в репертуаре некоторыми режиссерами и директорами театров.

Масштабы научно-технической революции (НТР) и масштабы проникновения в нее драматургии абсолютно несо-

измеримы. Особенно если брать социалистические и гуманистические аспекты научно-технической революции у нас в сопоставлении с практикой в странах капитализма. Проблемы технического перевооружения деревни и рожденные им социальные и психологические процессы вообще почти не затронуты театром. А каким драматизмом насыщены эти процессы, сколько сюжетных и конфликтных коллизий они вызывают!

Наша мирная жизнь — плод титанической борьбы партии, государства, советского народа, социалистического содружества. От того, что изменились формы битвы двух социальных систем, отнюдь не стали меньше накал или масштаб этих битв, отнюдь не стали менее агрессивными явные или потенциальные последствия фашизма. Кровавые раны на теле чуждой нам идеологии. Ведь не все испытания и опасности позади. Авторитет нашей страны, как и наша мощь, — плод каждодневной мобилизации всех сил, использования скрытых ранее резервов. В том числе и в сфере искусства. Вот почему в дни праздника Победы важно напомнить о методологии, если можно так сказать, творческой работы в годы войны.

Война научила нас оперативно, а вместе с тем и страстно, и глубоко откликаться на события времени. Базой оперативности и глубины была идейная убежденность, партийность

тинбамериканский континент. Что написано у нас о Кубе? «Мальчишки из Гаваны», «День рождения Терезы». А дальше? Дальше — пустота. Это же в общем относится и к переводам оригинальной кубинской, а в более широком плане — латиноамериканской драматургии. Пьеса «Тоший приз» Э. Кинтеро усиления некоторых театров усвеедена с дороги социальных обобщений в модную простоту мюзикла.

Я горячий сторонник разнообразия жанров, творческих поисков, экспериментов, смелых проб и «синтетического» мастерства актеров. Но в любом жанре остается главным целеустремленность, идейный смысл, сверхзадача. И они должны идти в русле гигантских конструктивных усилий партии, направляющей страну и народ к высокой морали и высокой культуре коммунизма. Бездумность, созерцательность, объективистский «нейтрализм» надо оценивать с партийно-классовых позиций, как ростки чуждой нам идеологии. Ведь не все испытания и опасности позади. Авторитет нашей страны, как и наша мощь, — плод каждодневной мобилизации всех сил, использования скрытых ранее резервов. В том числе и в сфере искусства. Вот почему в дни праздника Победы важно напомнить о методологии, если можно так сказать, творческой работы в годы войны.

Война научила нас оперативно, а вместе с тем и страстно, и глубоко откликаться на события времени. Базой оперативности и глубины была идейная убежденность, партийность

творчества. Была и осталась. Война привила нам чувство постоянной мобилизационной готовности. Оно трижды необходимо нам и сегодня. Война в дни самых крутых поворотов, самых тяжелых испытаний не смогла отнять у нас оптимизма и уверенности в конечной победе. Этими качествами наполнен путь нашего народа за все тридцать лет после Победы. Война глубочайшим образом раскрыла наш советский патриотизм как неотделимую часть социалистического интернационализма, как основу нашего глобального мышления. И в эти юбилейные дни Победы каждый советский человек с новой силой чувствует себя гражданином мира, несущим перед человечеством факел по дорогам в будущее. Все это важнейшие моменты для раздумья о дальнейших путях нашего искусства, для оценки его нынешних свершений. Пусть праздник Победы поднимет нашу творческую жизнь на высокую ступень требований, обусловленных и подготовленных жертвами и испытаниями, которые с честью выдержала наша страна.

У Знамени Победы вместе с ветеранами войны и труда сегодня фотографируются лучшие представители молодого поколения. От Знамени Победы они уходят в большую жизнь. Какой заряд получит молодежь от современного искусства? Чтобы ответить на этот вопрос, каждый художник, хотя бы мысленно, должен постоять у Знамени Победы.

А. СОЛОДОВНИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.